

ПИСЬМО ВЪ РЕДАКЦІЮ.

Медиумическій сеансъ 13-го февраля.

Корреспондентъ газеты «Современныя Извѣстія» недавно писалъ изъ Петербурга, что здѣшніе «представители спиритизма снова ожили: 7-го января вечеромъ пріѣхала англичанка-медиумъ, съ которой производилъ опыты знаменитый Круксъ, англійскій ученый, перешедшій въ лагерь спиритовъ. Новый медиумъ, надѣются, побѣдитъ и комиссію. Новоприбывшій медиумъ, говорятъ, сильнѣе Юма и при немъ поднимаются столы до самаго потолка. Иногда показываются руки и духи въ ея присутствіи охотно бесѣдуютъ на разныхъ языкахъ».

Такъ пишетъ объ этомъ медиумѣ газетный корреспондентъ, – на словахъ о новоприѣзжемъ медиумѣ передаются изъ устъ въ уста еще болѣе удивительныя вещи; комиссія же о немъ пока еще не высказалась.

Медиума, о которомъ идетъ рѣчь, я видѣлъ 13-го сего февраля, въ домѣ Александра Николаевича Аксакова, который былъ такъ любезенъ,

255

что пригласилъ меня присутствовать на сеансъ. Мы собрались къ г. Аксакову около 8 час. вечера: насъ было пять человѣкъ стороннихъ, хозяинъ съ хозяйкою и восьмой самъ медиумъ, англичанка, г-жа Сентъ-Клеръ. Сторонніе люди были: гг. профессора Бутлеровъ, Вагнеръ, и литераторы Достоевскій, Боборыкинъ и я. Всѣ мы собрались къ г. Аксакову прежде чѣмъ пріѣхала г-жа С... Кл...

Госпожа С... Кл... еще довольно молодая особа (на видъ лѣтъ около 30—32); средняго женскаго роста, темноволоса, съ очень красивыми бѣлыми руками и довольно выразительнымъ лицомъ. Типъ у нея гораздо менѣ англійскій, чѣмъ *вьнскій*; она понимаетъ и объясняется по-французски; манеры и движенія ея свободны и просты; она все дѣлаетъ довольно скоро и на всѣ просьбы въ интересъ опытовъ соглашается повидимому охотно и безъ всякихъ приготовленій. Она была одѣта въ черномъ шелковомъ платьѣ съ свѣтлоголубою шелковою же отдѣлкою. Обувь ея съ каблучками, которые на ходу слегка постукиваютъ. (Это обстоятельство имѣетъ при опытѣ свое значеніе).

Тотчасъ по прибытіи медиума А. Н. Аксаковъ представилъ ей тѣхъ изъ насъ, которые здѣсь встрѣчались съ нею въ первый разъ и черезъ нѣсколько минутъ мы приступили къ опыту.

Сначала мы сѣли за обыкновенный, круглый, форнированный воценымъ орѣхомъ столикъ, на одной ножкѣ и положили на него руки. Мѣста были заняты такъ: 1) медиумъ, 2) (направо) г-жа Аксакова, 3) Боборыкинъ, 4) Вагнеръ, 5) Бутлеровъ, 6) Достоевскій, 7) я. Справа у меня опять приходилась сама г-жа

С... Кл... А. Н. Аксаковъ сначала не садился и къ столу не притрогивался, а стоялъ сзади между мною и Ф. М. Достоевскимъ.

Знакомые спиритическіе стуки, – не сухіе, ножкою стола о полъ, а мягкіе, тимпаническіе стуки, раздающіеся какъ бы въ самомъ деревѣ столика, слышались сію же минуту. Они отвѣчали очень скорымъ выстукиваніемъ по *англійской* азбукѣ, которую *говорилъ* А. Н. Аксаковъ. Въ большинствѣ случаевъ стуки эти дѣлали ненужнымъ слагать все слово и предупреждали отвѣтъ утвердительною стукомъ въ три удара. Изъ присутствующихъ *самымъ удобнымъ* для медиумическихъ сношеній былъ указанъ Ф. М. Достоевскій. Стуки отвѣчали, что въ этотъ вечеръ можетъ быть поднятъ *на воздухъ* столъ, – сначала тотъ, за которымъ мы сидѣли, потомъ большій; что могутъ быть даны отвѣты на задуманныя числа и имена; что поставленные внизъ подъ столъ колокольчики могутъ звонить; опущенная подъ столъ гармоника можетъ играть и что присутствующіе могутъ получать прикосновенія незримыхъ дѣятелей.

Комната во все время сеанса была освѣщена висячею съ потолка лампою, съ небольшимъ матовымъ контръ-абажуромъ. Она давала свѣтъ ровный и настолько ясный, что мы могли писать на столѣ цифры и имена.

Первый опытъ въ этомъ былъ сдѣланъ (кажется Ф. М. Достоевскимъ: онъ написалъ 7 именъ (пофранцузски) и одно изъ этихъ именъ замѣтилъ на особомъ клочкѣ бумаги, который держалъ у себя въ рукѣ. Потомъ онъ велъ карандашемъ по составленному имъ реестру именъ и когда довелъ до имени «Théodore», раздались три утвердительные звука. Ф. М. Достоевскій сказалъ, что имъ дѣйствительно задумано *это имя*. Затѣмъ писалъ г. Боборыкинъ и получилъ отвѣты ложные. Послѣ нихъ предложили писать мнѣ, я записалъ себѣ на особой клочекъ имя моего одного умершаго знакомаго Michel и, зажавъ въ руку этотъ клочекъ бумажки, началъ писать имена на листѣ; но при первыхъ же двухъ именахъ, которыя я написалъ, раздавались отвѣты отрицательные и едва я начерталъ буквы Mich... какъ торопливо и твердо выстукало утвердительное три. И я, и Ф. М. Достоевскій писали задуманныя имена такъ секретно, что видѣть этого никто не могъ; Ф. М. сдѣлалъ это вставши изъ-за стола и отойдя въ сторону; а я написалъ, опустивъ руки подъ столъ на ладони своей лѣвой руки. Такъ же были написаны различные годы, изъ коихъ у каждаго одинъ былъ задуманъ и замѣченъ отдѣльно. Ф. М. Достоевскій получилъ 1849 годъ, – (годъ его ссылки), что и оказалось у него замѣченнымъ; у Боборыкина и у меня получились отвѣты неточные. Потомъ приступили къ опыту съ подъемомъ стола: столикъ черезъ нѣсколько времени *поднялся на воздухъ*, какъ мнѣ казалось, вершковъ на 6–8 и, подержавшись въ такомъ положеніи около 7–8 секундъ, быстро опустился; черезъ нѣсколько минутъ это повторилось снова и на этотъ разъ столъ держался на воздухѣ дольше. Потомъ приступили къ вызову звукоподражаній: Бутлеровъ, Вагнеръ, Достоевскій, Боборыкинъ и я дѣлали желѣзнымъ *ключемъ* по столу произвольныя фигуры и розчерки и звуки эти *черезъ нѣсколько мгновеній* повторялись *съ полною точностью, но чрезвычайно тихо*.

Затѣмъ былъ перемененъ столъ; вмѣсто обыкновеннаго маленькаго, *круглаго* столика, мы сѣли около нарочно устроеннаго для опытовъ *четырёхугольнаго* бѣлаго, некрашенаго стола съ четырьмя ножками. У этого стола сдѣланъ широкой *карнизъ*, такой, что его нельзя обхватить рукою, и *ножки враскосъ, безъ проножекъ*. Столъ этотъ долго оставался неподвиженъ, но потомъ началъ подвигаться въ сторону г. Бутлерова и наконецъ два раза поднялся и одинъ разъ оставался на подъемѣ довольно долго.

Отставивъ этотъ бѣлый столъ, мы сѣли за большой орѣховый столъ, подъ который предварительно опустили *два разнозвучные колокольчика*. Руки всѣхъ присутствующихъ (не исключая и самаго г. Аксакова) находились *на столѣ*. Колокольчики *подъ столомъ звонили* сначала одинъ, потомъ оба вмѣстѣ. Это повторялось *нѣсколько разъ*, и всякій разъ звону предшествовала какая-то тихая возня, какъ будто котенокъ двигалъ колокольчики лапками; а потомъ они поднимались и звонъ ихъ былъ чистый и свободный.

Прикосновеніе къ ногамъ болѣе всѣхъ чувствовалъ П. Д. Боборыкинъ; по его словамъ, это прикосновеніе похоже на то, какъ бы кто вель ему по ногѣ пальцемъ и потомъ притрогивался пяткою разутой ноги. Я тоже одинъ разъ чувствовалъ, что-то въ этомъ же родѣ, но очень слегка. Напоминаю при этомъ, что г-жа С... Кл... была въ сапожкахъ съ *каблучками* (да еслибы она была и въ туфляхъ, то снять и снова надѣтъ ихъ *незамѣтнымъ образомъ* было невозможно).

Гармонія (отъ которой сначала оторвали рѣмешокъ), была опущена подъ столъ пр. Бутлеровымъ и издала нѣсколько звуковъ. Бутлеровъ держалъ ее *одною рукою* за нижнюю деку. Гармонію эту сжимать и раздвигать *одною рукою невозможно*; точно также какъ невозможно и придавливать ея клапановъ на противоположной децѣ иначе, какъ *пальцами* другой руки.

Въ рукѣ Ѳ. М. Достоевскаго гармонія не издала *ни одного звука*, но за то въ это время что-то сильно теребило г-жу Аксакову за край ея

256

платья. Тогда медиумъ черезъ г-жу Аксакову предложилъ Ѳ. М. Достоевскому оставить гармонію и замѣнить ее платкомъ, который жожеть быть взять у него изъ руки. Г. Достоевскій вынулъ платокъ и, опустивъ его подъ столъ, *держалъ за кончикъ на поверхности стола*. Черезъ нѣсколько минутъ онъ сказалъ, что платокъ у него *тянетъ въ сторону*. Но тутъ произошло нѣкоторое маленькое недоразумѣніе, въ разъясненіяхъ котораго нашъ сеансъ и окончился.

Не будучи спиритомъ и всемѣрно желая, чтобы къ изслѣдованію странныхъ явленій этого рода были приложены самые точные критическіе приемы, я считаю долгомъ сказать о томъ, чему былъ свидѣтелемъ.

Н. Лѣсковъ.